

Елена
Паленова

СГДНЬ
ЗУЖДИ
ДОУГЫ

Мистические рассказы

Елена Паленова
Огонь чужой обиды
Серия «Мистик-ассорти», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68775450

SelfPub; 2023

Аннотация

Зло разное бывает. Иногда оно ходит так близко, что замечаешь его только тогда, когда зацепишь, и чужая обида огнём в твою жизнь изливаться начнёт.

Елена Паленова

Огонь чужой обиды

Родителей у Алинки не было. Точнее, они были, но отец ушёл из семьи раньше, чем его дочурка появилась на свет, а с матерью приключилось несчастье, когда девочке было всего четыре года от роду. Вот с этого-то несчастья всё и началось.

– Ой, Дунька, беда-то какая... Ой, горюшко-горе... – после похорон причитала соседка, заламывая руки. – Как же вы с Федькой будете теперь внучку-то поднимать? Это ж какие расходы... А ответственность... Ой-ой-ой... Зачем же ты на себя этот груз свалила-то? Ведь есть же где-то папаша.

– А ты наши расходы не считай, – сердито отрезала Евдокия Михайловна. – Или надо было родную кровинушку в детский дом отдать, а? Сама-то, небось, за Максютку своего любому глотку бы перегрызла, а? Помолчи лучше, не гневи Господа.

– Ой, зря ты так, соседка. Ой, зря... Помяни моё слово...

Договорить сердобольная соседка не успела, потому что Евдокия Михайловна вежливо выставила её за дверь. Нехорошо, конечно, так на поминках поступать, но слушать и дальше душераздирающие нравоучения просто сил не было.

Спала той ночью только маленькая Алинка, да и то беспокойно – вздрагивала во сне, хныкала, маму звала. А дед

с бабушкой так и не смогли заснуть, потому что в квартире постоянно поскрипывали полы, будто кто-то ходил, и раздавались негромкие вздохи. И со стороны окна в кухне доносился стук, что было и вовсе немыслимо, учитывая пятый этаж и отсутствие балкона.

Поутру Евдокия Михайловна первым делом отвела Алинку в детский сад, а сама направилась в церковь к батюшке, который покойницу Марусю отпевал – ну отпел же ведь, чего её беспокойной душе неймётся?

– Душа окончательно отходит к Господу Богу нашему только через сорок дней после погребения тела. А до тех пор и пошуметь может, о себе напомнить. Тревожит её что-то, вот и ходит, – пояснил священник. – Поставьте свечу за упокой, но больше вы ничем несчастной участь не облегчите. И вещи её из дому до сорока дней не раздавайте.

Евдокии Михайловне это утверждение почему-то показалось богохульством. Ну как так-то? Святой человек, а так спокойно про ходячих призраков рассуждает, будто это в порядке вещей. Но свечу всё же поставила – вдруг полегчает?

Не полегчало. Снова полночи шуршало, скреблось, ходило и хлопало дверцами шкафчиков в кухне.

– На дачу надо ехать, – заключил дед Фёдор, у которого от горя и бессонных ночей начались проблемы с давлением. – На девять дней вернёмся, помины сделаем, а там поглядим.

Сказано – сделано. Предупредили воспитателя в детском саду, что везут Алинку на природу нервные клетки восста-

навливать, собрали вещи, сели в электричку и укатили за город. Помогло. На даче никто не бродил, не стучал и вообще никак хозяев не беспокоил. Внучка, правда, всё равно не понимала, почему мама к ней приезжать не хочет, но не забивать же четырёхлетнему ребёнку голову рассказами про несчастный случай и похороны. Состряпали историю про Ангелов, как обычно в таких ситуациях взрослые делают, ну и успокоилась вроде после этого малышка немного.

На девятый день вернулись в город. Накрыли стол, приняли тех, кто помянуть покойницу пришёл, но устали после этого мероприятия и решили никуда не ехать. А вдруг уже всё нормально? Легли спать – не шумит, не топает. Только перед тем, как заснуть, Евдокии Михайловне показалось, будто дочка-покойница зовёт её. И жалобно так зовёт...

И сон ей странный приснился. Сидят они втроём в бане – баба Дуня, дочка её и внучка. Холодная баня, сырая, давно не топлена, а Маруся потом обливается и стонет: «Ой душно мне, мамочка... Так горячо! Открой дверь, пусть пар выйдет...»

Утром выяснилось, что деду Фёдору тоже дочка покойная во сне являлась. И тоже жаловалось, что жарко ей.

– Как в Аду, говорит. И кони огненные вокруг скачут, – поведал старик и трижды перекрестился.

Стали думать – к чему такое присниться могло? Вроде и погибла Маруся не в огне, а деревом упавшим её на улице придавило. И не грешила так, чтобы уж прямо сразу в Ад...

А пока думали, не обратили внимания, что уж к полудню дело, а Алинка маленькая спит до сих пор. То раньше всех просыпалась, а тут...

Кинулись к кроватке, а внучка в лихорадке горит и дышит часто-часто, будто воздуха ей не хватает. Пока «скорая» ехала, сбивали сами температуру, как могли. Алинка плачет, не узнаёт никого, в бреду мечется.

Забрали доктора девочку в больницу, а пока довезли, жар как рукой сняло. Сидит на руках у бабушки, к груди жмётся, глазёнки испуганные на врачей тарашит. На первый взгляд ничего у ребёнка не обнаружили, но в отделении на сутки всё же оставили вместе с бабушкой – понаблюдать на предмет обострения.

Анализы в норме, видимых причин для лихорадки нет. Велели Евдокии Михайловне обратить внимание на то, что ребёнок ест, потому что, кроме аллергии, других объяснений у докторов не нашлось. Отпустили домой, а там дед Федя встретил их рассказом об очередном кошмаре – снова Маруся ему во сне про коней огненных говорила, и что колесница для живых тоже вся в огне.

И температура у Алинки поднялась чуть ли не сразу, как они порог квартиры переступили. Вышли на улицу – жар сразу же спал.

– Что-то здесь нечисто, – нахмурилась Евдокия Михайловна, сидя во дворе на скамейке и щупая внучке лоб. – Не бывает таких болезней.

– Призраков тоже не бывает, а она вон чего... – возразил дед Фёдор, которому теперь в собственной квартире было неуютно.

Решили на свой страх и риск снова уехать на дачу. «Скоро» в случае чего там ждать, конечно, долго, но тащить ребёнка туда, где ему плохо, тоже не вариант. Евдокия Михайловна с Алинкой на улице остались, пока дед сумки с вещами собирал – от греха подальше.

* * *

До сорокового дня на даче жили и горя не знали. Вроде и возвращаться надо, но так рассудили – помянуть и здесь можно, не обязательно ради этого в город ехать. А потом дед Фёдор съездит один, переночует и скажет – утомонилась Маруся или нет. И заодно от вещей дочкиных избавится, раз уж срок подошёл.

Помянули. Съездил старик в город и вернулся оттуда через два дня мрачный, как туча грозовая – ничего не изменилось. Как ночь, так находиться в квартире невозможно. И жар будто прямо от стен идёт даже если все окна настежь открыть. Вещи Марусины какие в церковь отнёс, а какие с собой привёз, чтобы сжечь.

На улице костёр разводить не рискнули – лето сухое было, мало ли что. Поставили сумки с вещами возле печки-буржуйки, дождались, пока Алинка заснёт, чтобы не видела, как мамины вещи в топку летят, и принялись плакать и жечь...

– А это откуда? – всхлипнула Евдокия Михайловна, разглядывая найденную среди вещей маленькую деревянную лошадку, выкрашенную в ярко-рыжий цвет. – Это не Алинкина игрушка. Небось, в саду стащила. Вернуть бы надо.

Она поставила лошадку на стол, чтобы утром спросить у внучки, откуда у неё эта игрушка.

Жгли Марусины вещи долго, плакали ещё дольше. Спать легли уже засветло – после того, как убедились, что угли в печке окончательно погасли, домик хорошо проветрился, и пожара опасаться не стоит. А через час проснулись от дикого крика – Алинка испуганно визжала, указывая маленьким пальчиком на расплзающийся по столу огонь. И в углу возле печки будто силуэт тёмный стоит и бормочет что-то.

Евдокия Михайловна схватила Алинку и хотела выскочить на улицу, но задержалась и щёлкнула по пути выключателем, чтобы дед не убился обо что-нибудь, пока пожар тушит. Возле печки стояла их городская соседка – та самая, которую после похорон Маруси хозяйка за дверь выставила. Точнее, не сама соседка, а бесплотная тень с полыхающими огнём глазами.

Огонь дед Фёдор погасил раньше, чем загорелось ещё что-то, кроме скатерти. При этом он поминутно крестился, вспоминал все молитвы, какие знает, и отпускал нелестные выражения в адрес соседки.

– Алиночка, крошечка моя ненаглядная, ну не плачь, маленькая... – приговаривала Евдокия Михайловна, успокаивая

вая плачущую внучку. – Солнышко моё ясное, откуда у тебя лошадка деревянная была, кто тебе её дал?

После увиденного этот вопрос был уже чисто риторическим, потому что стол стоял довольно далеко от печки, и на нём были только скатерть и игрушка. И всё же Евдокия Михайловна хотела получить от внучки ответ – чтобы точно знать, с кого спрашивать за свалившиеся на них беды.

– Тётя Рита, – Алинка наконец-то поняла, чего от неё хотят, и разразилась новым потоком рыданий на тему «Я хочу к ма-а-а-ме».

Всё встало на свои места – и огненные кони, и непонятно откуда берущийся жар. Маруся действительно пыталась защитить своих близких и гнала их прочь из квартиры, где должен был случиться пожар, но так вышло, что дед Фёдор случайно «привёз пожар» туда, где родные ему люди чувствовали себя в безопасности. А соседке, выходит, всё одно было, где мстить, лишь бы наказать обидчиков. И ведь никто не знал, как давно эта лошадка в их доме появилась.

Вот как людям, далёким от суеверий, поверить в такое? Беспокойная душа дочери – это ещё куда ни шло, а колдовство... Это было уже чересчур. Но и не верить собственным глазам тоже было странно. Они ведь все это видели, слышали и чувствовали.

– Что делать-то будем теперь? – поинтересовалась Евдокия Михайловна шёпотом, укачивая выплакавшуюся и задремавшую на её руках Алинку. – Если она дитё малое не

пощадила за одну мизерную обиду, то что ж дальше-то будет? А если и дерево на Марусю не само по себе упало? Даже думать об этом не хочется...

* * *

В квартиру городскую они больше так и не вернулись. Дед Фёдор съездил в риэлторское агентство и попросил подобрать на обмен какой-нибудь домик в деревне, чтоб и от города не особенно далеко, и площадь побольше была. Алинка-то растёт, ей уж скоро своя комната нужна будет. А раз так всё сложилось...

Варианты обмена рассматривали придирчиво – чтоб не дай Бог нигде поблизости никакие ведьмы не водились. Пережитого ужаса им с лихвой на всю жизнь хватило. И всё равно вышло так, что понимающий человек по соседству оказался.

Алинка уж в школу пошла, когда баба Дуня поделилась с одной из новых соседшек странной историей из их семейного прошлого.

– Никогда нельзя гнать из дому тех, кто помянуть покойного пришёл, – покачала головой соседка. – Это вам ещё повезло, что дочь ваша, пусть земля ей будет пухом, так сильно любила вас, что до сорокового дня от несчастья оберегала. Если б не она, вы бы и до девятого дня не дожили. А как отошла душа её к Господу, так колдовство до вас и дотянулось беспрепятственно. Не беспокоит оно вас больше?

– Нет, – покачала головой Евдокия Михайловна. – Иногда Маруся во сне приходит перед тем, как Алинка заболеть должна. Предупреждает. Но такого ужаса больше точно не было.

– Если хотите, можно ведь порчу-то и вернуть тому, кто так над вами поизмывался, – предложила женщина ненавязчиво и ни на что не намекая. – Имя вы знаете...

– Э, нет уж, – усмехнулась баба Дуня. – Это не про нас. Мы выбрались из этой грязи невредимыми, а ей Господь судья. Он всё видит. А вы, случаем, ничем таким не промышляете?

Она подозрительно покосилась на собеседницу, но та с невинным видом продолжала орудовать граблями, убирая опавшую листву.

– Нет-нет, что вы. А бабье лето в этом году рано началось, да? Погоды такие дивные стоят...